

ЭВЕ КИВИ:

«ДИНУ РИДУ
НЕ РАЗРЕШИЛИ
НА МНЕ
ЖЕНИТЬСЯ»

В тот летний день в доме Дина Рида и Ренаты Блюме разразился очередной скандал. Во время ссоры Дин нечаянно порезал себе руку. «Ты хочешь моей смерти?» - вспыхнул он, сел в машину и уехал из дома под Берлином. На пятые сутки Рида нашли мертвым...

Имя Эве мне дал отец (моя дружная семья)

Незадолго до случившегося он мне позвонил, не знаю откуда, и сказал: «Я собираюсь уехать. Мне грозили... Теперь я тебе верю...» Я посоветовала: «Останься на Кубе. Может, Кастро тебе поможет перебраться в Америку». Через какое-то время один, скажем так, посвященный человек в разговоре со мной напустил туману: «Никуда он не денется. У него обратной дороги нет...» Я тогда ничего не поняла, а когда Дин погиб, все стало ясно.

— Почему американский гражданин Дин Рид жил в ГДР?

— Он уехал из США по политическим мотивам. На студии «Дефа» Дину дали наконец сниматься и работать как режиссеру. В ГДР его и женили. Вначале на родственнице

Хонеккера Вибке, последней женой Дина стала актриса Рената Блюме. Этими браками он завоевывал доверие немцев и становился своим человеком в Восточной Германии...

В Западном Берлине сразу же после трагедии поспешили заявить, что Рида убрали, потому что он разочаровался в социализме. Действительно, незадолго до своей гибели он в интервью Эй-би-си говорил о своем желании вернуться на родину. Дин был очень наивным и решил действовать открыто. Вернулся домой и велел Ренате собирать вещи.

На пятый день после его исчезновения Ренате сообщили, что ее муж утонул. По официальной версии властей ГДР, известный актер и певец врезался в дерево, вылетел из машины и, упав в озеро, захлебнулся...

В одном интервью Рената Блюме призналась, что всегда очень боялась мужа и до сих пор ей кажется, что Рид следует за ней по пятам...

В четвертом классе я коллекционировала открытки с актерами. Как-то сказала подружке: «Однажды и мои фотографии будут так же собирать!»

На концертах поклонницы задаривали Рида плюшевыми мишками, книгами. Он недоумевал: «Я ведь русского не знаю, зачем мне дарят книги?»

Слухов о его гибели было столько! Теперь правду никогда не узнаешь — тело Рида спешно кремировали. Вначале говорили, что он выпил большое количество успокоительных таблеток, заплыл на середину озера и утонул. Но это абсурд! Дин был прекрасным пловцом, в 16 лет даже стал чемпионом мира среди юниоров. Потом эту версию подкорректировали — Дин якобы нырнул, ударился головой о камень и утонул. Затем появилась другая — самоубийство... Писали даже, что, как заявила его вдова, Рида убили пятью ударами ножа. Спустя четырнадцать лет Рената осмелела. В одном интервью она призналась, что всегда очень боялась мужа и до сих пор ей кажется, что Рид следует за ней по пятам... А я думаю, его вначале отравили, а потом кинули в воду. Незадолго до его гибели я оказалась в гостях у известного экстрасенса Сафонова, к которому ходили многие знаменитости. Когда мы остались одни, я достала из сумки фотографию Рида. Он взглянул на нее и побледнел: «Убери! Мне страшно. И не спрашивай ничего, тебе не надо об этом знать...»

Дин настолько был увлечен красивой идеей социализма, что ничего вокруг не видел. Теперь, вспоминая, догадываюсь, почему Дин только кивал головой и молчал, когда я, затащив его в ванную и пустив воду, шепотом просвещала. Я всегда относилась к советской власти скептически и наивно пыталась раскрыть ему глаза на действительность: «Как ты можешь жить в СССР?» В ответ он искренне поражался: «Что ты говоришь? Это же самая свободная страна в мире!»

Он любил приезжать в Союз — его здесь обожали. Повсюду преследовала толпа и громко скандировала: «Бела чао! Бела чао!» На концертах поклонницы задаривали Рида плюшевыми мишками, книгами. Он недоумевал: «Я ведь русского не знаю, зачем мне дарят книги?» Жил в хороших гостиницах, щедро расплачивался с таксистами и не имел ни малейшего представления о зарплате советского человека. Однажды я даже отправила его в рабочую столовую, так после «дегустации» у него два дня болел живот.

...Когда мы познакомились, я ничего о нем не знала. Слышала, что Дин Рид — американец, хорошо играет на гитаре, поет песни, снимается в кино. Отличный, открытый парень, настоящий ковбой!

Первая наша встреча произошла на Московском кинофестивале в 1971 году. У входа в гостиницу «Россия» его окружили фотокорреспонденты. Я стояла в стороне и поймала себя на мысли, что люблю широко улыбающимся красавцем. Вдруг он подошел ко мне и, взяв за руку, стал со мной позировать. Тогда я не знала, кто это, — просто смотрела в его сияющие синие глаза и ничего больше вокруг не видела. Потом фотографы меня просветили: «Это же Дин Рид!» На следующий день все завертелось так стремительно, что у меня не было времени даже подумать. Как в кино! Вдруг оказываюсь в его номере гостиницы «Россия», куда он меня пригласил, чтобы подарить фото на память, и на меня неожиданно обрушивается град поцелуев. Это был

ураган! «Мне срочно улетать на съемку! Я вернусь через три дня», — пытаюсь вырваться из объятий. Как я очутилась в самолете, совершенно не помню. Сажу, как под гипнозом, гляжу в окно, и вдруг в голове молнией проносится: «Ни у меня, ни у него нет координат друг друга! Как же мы встретимся? Что делать?» Буквально на следующий день мне в Таллин звонят из Москвы: «Эвэ, тут тебя один сумасшедший разыскивает». Оказывается, Дин поставил всех на уши в поисках моего адреса.

Когда я вернулась в Москву, битый час торчала на стоян-

Я безумно влюбилась в красавца блондина — французского актера Жоржа Ривьера, который снимался в Москве в фильме «Нормандия—Неман»

Я никак не могла забыть свою первую любовь — Жоржа. Он, как никто, умел быть нежным, обходительным и любезным! (Жорж Ривьер на снимке справа)

ке такси у гостиницы «Россия», не решаясь сдвинуться с места: как-то неудобно у неприступных администраторш спрашивать разрешения пройти к Риду в номер. А тут и он навстречу идет. «Поехали к моему приятелю читать сценарий, — как ни в чем не бывало хватает мой чемодан. — Я буду играть Кеннеди, а ты — секретаршу. Фильм «Корреспондент Вашингтона», снимаем на «Беларусьфильме». Я была ошарашена: у нас-то, кроме поцелуев, ничего и не было, можно сказать, мы едва знакомы, а тут такое предложение... Меня поразило, что он так уверенно хочет привязать

меня к себе. Но его творческие планы так и не осуществились. Риду почему-то не разрешили сниматься в Союзе.

Я поселилась в гостинице «Украина». В тот же вечер после обсуждения сценария у его друга, спецкора в Америке, Дин поехал провожать меня и... остался. На счастье, нам попалась хорошая горничная, которая сделала вид, что ничего не заметила. Наутро ко мне в номер прибежала подруга-чешка. Плхнула на постель: «Ну рассказывай!» Долго не могла прийти в себя: «Это же надо! Я сижу на легендарной постели! Где ты с Дином...» И даже сделала фо-

Ко мне в номер прибежала подруга-чешка. Долго не могла прийти в себя: «Это же надо! Я сижу на легендарной постели! Где ты с Дином...»

На «Мосфильме» стали подозрительно коситься на мою тигровую юбку: «Смотри, смотри, стриженковская Тигра идет!»

С Лукино Висконти на одном из фестивальных приемов

то на память — мы с ней в обнимку хохочем на взбитых подушках.

Кинофестиваль закончился, но Рид остался в СССР по концертным делам. Он много гастролировал по стране, пел на БАМе. Каждый раз торопился вернуться ко мне. Нам с Дином казалось, что мы одни на всей земле, как Адам и Ева...

— Кстати, кто дал вам это имя великой соблазнительницы рода человеческого?

— Так меня назвал отец. Потом, когда я стала сниматься в России, мое имя стали писать то Ева, то Эви. Недавно в Таллине мне присвоили титул «Секс-символ века» и вручили приз: большую бронзовую статуэтку обнаженной девушки, сидящей на мраморном постаменте. Журналисты, называя

Эстонские актрисы требовали снять с роли неопытную Киви. Птушко смеялся: «Не понимаю, зачем мне этот дом престарелых?»

Даниэль Ольбрыхский каждый раз при встрече интересовался: «И когда же ты бросишь этого коммуниста?»

меня сексапильной, часто сравнивали с Мэрилин Монро. Но, кроме светлых волос, у нас, по-моему, ничего общего. Когда же писали, что «Киви — наша Брижит Бардо», я возмущалась: «Разве у меня такие надутые губы?!» А вот однажды мне сделали действительно приятный комплимент. На од-

ном из фестивалей кто-то сказал, что я похожа на Мишель Морган больше, чем ее родная дочь. Я вошла в банкетный зал, и вокруг восторженно закричали: «Мишель Морган!» Итальянцы же считали, что я напоминаю им их любимую актрису Вирну Лизи.

— **Кстати, Брижит Бардо в детстве мечтала стать балериной. А вы?**

— Мне помешало здоровье. В детстве каждую весну четыре года подряд меня мучило воспаление легких. В Таллине я часто болею — мне не подходит здешний климат. Наверное, в прежней жизни я жила в какой-нибудь далекой стране с гигантскими кактусами и безбрежным океаном и была жгучей брюнеткой!

В четвертом классе, как все девчонки, коллекционировала открытки с актерами. Складывала их в мамину большую коробку, где она хранила выцветшие от времени снимки кумиров. Однажды почему-то сказала подруге: «Знаешь, и мои фотографии будут также собирать!» Первый свой снимок, сделанный по заказу Бюро пропаганды киноискусства в виде почтовой открытки, я нашла в коробке... гдзээрвских ресниц. Как-то в московском магазине «Лейпциг» решила купить себе накладные ресницы, открыла коробочку, а там — моя маленькая фотография! В Госкино меня успокоили: «Эве, не поднимай шума — такое начнется, а наши отношения с ГДР сейчас очень хорошие...» Я и не стала ничего предпринимать. Сейчас бы мне заплатили круглую сумму.

— **Вы много лет подряд представляли за рубежом советские фильмы... Это благодаря высокому покровительству?**

— Я объездила 47 стран с киноделегациями. Наверное, чиновники хотели продемонстрировать этим, что вот, смотрите, актриса из Прибалтики, которую мы якобы подавили, — как видите, они ездят куда хотят. Теперь понимаю, что меня просто выставляли напоказ: красивая сексапильная блондинка. Мол, и у нас есть не хуже! А потом у меня было важное преимущество — я не пила, что в среде актеров большая редкость.

Однажды на приеме в Кремле по случаю очередного кинофестиваля ко мне подошли и сказали, что на меня желает посмотреть помощник Кирилленко: «Говорят, здесь Киви, покажите мне ее!» А о том, что я, оказывается, была симпатией Андропова, узнала случайно от одного высокопоставленного чиновника, оказавшегося моим попутчиком. На показе в ЦК картины «Особых примет нет», где я играла сестру Дзержинского Альдону, Андропов сказал, что я его любимая актриса.

Как-то я летела из Таллина в Москву. Моя хорошая приятельница, стюардесса, провожала меня в самолет через депутатский зал. По дороге шепнула: «Я тебя посажу с одним влиятельным человеком. Наверняка пригодится». В соседнее кресло сел представительный мужчина, помощник Сулова. «Знаете, вы очень нравитесь Юрию Владимировичу». — «Да? Но я с ним не знакома!» — «Эве, а вас в Москве кто-то встречает?» — «На такси поеду. «Мосфильм» оплачивает.»

В своем кабинете режиссер вдруг предложил: «Эве, давай порепетируем одну важную сцену. Садись ко мне на колени и соблазнь меня!»

Именно на съемки фильма «Озорные повороты» я уехала от Дина в первые дни нашего знакомства

«Не беспокойтесь, я вам предоставлю свой «ЗИМ». Вас отвезут». Когда самолет замер у красной черты, я выглянула в окно: внизу стояли шесть черных «ЗИМов». Устремительно подъехавшего к первому салону трапа в шеренге застыли одинаковые фигуры в серых пальто и шляпах. Мы стали

спускаться. На трапе полы моей легкой курточки разлетелись от ветра. Помощник Суслова на глазах встречающих бросился ко мне заботливо запахивать: «Эве! Вы же простудитесь! — Потом кивнул на генерал-майора, который стоял навьтяжку, ожидая приказа. — Он вас проводит».

ТЕПЕРЬ Я ПОНИМАЮ,
ЧТО БЫЛА НАПОКАЗ: КРАСИВАЯ
СЕКСАПИЛЬНАЯ БЛОНДИНКА.
МОЛ, И У НАС ЕСТЬ НЕ ХУЖЕ!

ЛЕА РАЙНСА Э. КИ

На пороге стоит улыбающийся директор картины: «Я хотел бы посмотреть, как ты будешь завтра выглядеть голая в сетке!»

По дороге генерал-майор вручил номер своего телефона: «Если будут проблемы — звоните!» (И я один раз в жизни воспользовалась этим предложением — как-то от него мне привезли билет на самолет.) Не успела я вернуться домой, как мне уже доложили о новых слухах: «Слышали? Эве — любовница этого важного из Москвы!»

— **Вам, наверное, за всю жизнь столько приписывали любовников!**

— Ужас! Я бы даже с постели вставать не успевала, если бы это была правда... И все как один — из Политбюро!

Внимание к себе я почувствовала сразу же, как только приехала в Москву сниматься у Александра Птушко в «Сампо» по карело-финскому эпосу «Калевала». К этому моменту, закончив драмстудию при Таллинском театре, я играла на его сцене. У меня за плечами уже были три роли в кино, одна из них — на Киевской студии с Павлом Кадочниковым. Как-то на спектакль, где я играла арбузовскую Лелю, пришли ассистенты Птушко. Они в Таллине искали героиню и пригласили меня в Москву на пробы. Птушко я сразу понравилась. На «Мосфильме» меня тоже моментально заметили и даже предложили роль Дуняшки в фильме об Афанасии Никитине со Стриженовым в главной роли. Но Птушко, к сожалению, не отпустил на съемки.

В Москве меня поселили в гостинице «Украина». Я гордо вышагивала в самолично сшитой тигровой юбке, потряхивая длинными белыми волосами. У Стриженова, невероятно популярного молодого красавца, в то время было много поклонниц. Однажды в актерский отдел «Мосфильма» на его имя пришла телеграмма: «Приезжаю, встречай! Твоя Тигра». На студии сразу же стали подозрительно коситься на мою тигровую юбку, решив, что я — пассия Стриженова: «Смотри, смотри, стриженовская Тигра идет». Встретившись через много лет, мы с ним очень смеялись, вспоминая эту телеграмму. Вот только забыла у него спросить, приехала ли его Тигра?!

Моя карьера в кино началась стремительно. Чудом я оказалась в нужное время в нужном месте. А еще мне помогла министр культуры Фурцева. Когда японский фильм «Гольф остров» получил «Большой приз» на Втором московском кинофестивале, именно она посоветовала организаторам, чтобы вручала цветы и приз режиссеру Канэто Синдо Эве Киви.

— **Представляю, какую зависть вызвало это у московских актрис!**

— Мне было всего девятнадцать, и я ничего не замечала вокруг. И потом мы почти сразу же после фестиваля уехали с Птушко на съемки в Финляндию. Так что последствия моего «дебюта» я оценила не сразу.

На мою Аннику в «Сампо» пробовалось триста актрис из Финляндии, Эстонии и России. В Эстонии утверждение мало кому известной артистки на столь ответственную роль вызвало шквал возмущения. Писали жалобы в Москву: «Как же так? У нас столько заслуженных и народных, а вы какую-то девчонку берете!» Был звонок на «Мосфильм» и из Министерства культуры Эстонии, куда некоторые драматические

Наши отношения с Дином тянулись семнадцать лет. Увы, советская власть не разрешила ему жениться на мне

актрисы приходили с требованием снять с роли неопытную Киви. Птушко, помню, смеялся: «Не понимаю, зачем мне этот дом престарелых?»

В мире кино я была новенькая и не понимала, что такое интриги, сплетни и как умеет жалить зависть. Позже начала переживать, а потом научилась улыбаться всем врагам

Доброжелатели меня предупреждали: «Эве, берегись, Жорж — большой донжуан!» Но я не чувствовала опасности: со мной он был мой!

В браке с олимпийским чемпионом Антсом Антсоном у меня родился сын Фред

назло. Наверное, тогда обо мне стали думать: «Вот дурочка!» Таллин ведь городок маленький, все доходит до тебя рано или поздно. Хотя прямо в лицо мне никто ничего не говорил...

Я часто слышала, что для карьеры в кино в Москве надо выйти замуж за режиссера. Но меня тошнило от их масляных глаз. Режиссер Самсон Самсонов пригласил меня в

фильм «Чисто английское убийство». В своем мосфильмовском кабинете вдруг предложил: «Эве, давай порепетируем одну важную сцену. Сядь ко мне на колени и соблазни меня!» (А был, между прочим, мужем красивейшей актрисы, сыгравшей роль Комиссара в «Оптимистической трагедии».) «Откройте двери!» — вскочила я. После этого ни на какие пробы он меня уже не приглашал.

В картине «Яма» меня пробовали на роль, которую потом сыграла Жанна Болотова. Моя героиня должна была дефилировать в рискованном костюме — рыболовной сети. Както вечером в дверь моего номера постучали. На пороге стоял улыбающийся директор картины. «Я хотел бы посмотреть, как ты будешь завтра выглядеть голая в сетке!» — «Немедленно уберите!» На следующий день говорю ассистентке: «Вот увидишь, вместо второй пробы мне выдадут билет на самолет». Так и случилось! Болотовой, которая была замужем за Николаем Губенко, директором картины, думаю, не посмел предложить показаться ему голой.

И таких случаев было много. Но встретился в моей жизни и благородный мужчина... На Киевской киностудии режиссер Михаил Орлов снимал четырехсерийный телефильм «Человек в проходном дворе». У меня очень хорошая роль. Неожиданно вечером режиссер вызывает на студию. Я сразу же насторожилась: «Так поздно! Ну все, будет приставать». А что делать? Пришлось идти. Начинаем проходить завтрашнюю сцену, как вдруг он предлагает порепетировать роль другой актрисы. «Но это же не мое!» — удивляюсь я, вспомнив, что в этой сцене героиня должна страстно целоваться с одним из персонажей. «Ничего. Мне хочется убедиться, что ты и это делаешь хорошо», — говорит он, и его лицо начинает медленно приближаться ко мне. И тут меня сильно затошнило. Я даже рот рукой зажала. Орлов моментально сориентировался — сделал вид, что ничего не заметил: «Все хорошо! Ты утверждена». Потом в процессе съемок, слава Богу, он переключился на молоденькую актрису, которая, кстати, и сыграла эту злосчастную роль. Мы прекрасно доработали до конца!

— И его вы называете благородным человеком?!

— Но он же не мстил мне и дал спокойно доиграть! Видимо, многие думали, что «ради карьеры эта блондинка пойдет на все!» Потому и обижались, получив неожиданный отпор. На съемках картины «Сампо» в меня влюбился главный оператор Юлий Кун, муж Ии Арепиной. Разница в возрасте огромная: мне-то было всего девятнадцать. Он гонялся за мной как сумасшедший! Даже странно вспоминать, что в начале знакомства боялся приблизиться! Теперь я понимаю, что его сдерживало: за «аморалку» в Финляндии, где за съемочной группой пристально следили, Куна могли вышибить с картины и не пустить больше в заграничные поездки. Съемки закончились. Возвращаюсь домой и вдруг узнаю, что Кун приехал сотрудничать с Таллинской киностудией. Ему выделили квартиру, и он стал жить в Таллине из-за меня. Только ради того, чтобы достойно показать фильм с моим участием «Капитан первого ранга», он выхлопотал у властей новый широкоформатный кинотеатр. Но как я из-

Поползли слухи: «Почему Киви одна?» Хотя я и знала, что не останусь старой девой, но все же призадумалась: «Пора!»

Известный актер Бруно Оя долго уговаривал выйти за него замуж, но я, подумав, отказалась

за него настрадалась! Кун приставал ко мне с замужеством, ревновал и даже грозил убить себя! Он долго меня преследовал, а когда понял, что ничего не получится, стал демонстративно бегать за очень молоденькими девушками. Скоро по городу поползли слухи, что он соблазнил пятнадцатилетнюю школьницу. У него начались неприятности. И все же кое-чем я ему обязана: благодаря Куну научилась разбираться в мужских играх. Он разыграл со мной шахматную партию, выучив ходы которой, я стала легко пере-

игрывать партнеров. Поведение большинства моих поклонников укладывается в простую формулу: вначале робость, потом обожание, а в конце начинаются угрозы... Никогда не забуду, как Кун учил меня: «Слушай, Эве! Если тебе будут угрожать или пугать, говори смело: «Я буду жаловаться Юрию Владимировичу! Пусть думают, что у тебя покровитель в Кремле». И вы знаете, это срабатывало! Однажды на улице ко мне подошли и предложили сотрудничать. Я моментально нашлась, сказав, что позвоню Юрию Владимировичу. Как ни странно, это не удивило: «Мы знаем, что у вас там, наверху, кто-то есть. Но имейте в виду, он вас не спасет».

— Что же вам помогало отбиваться от постоянных ухаживаний? Может, вы не влюбчивая?

— Ну как можно влюбиться в пожилых мужчин с трясущимися руками! Песок сыплется! Это невозможно даже представить. Напротив, я очень влюбчивая, но тем не менее приехала в Москву абсолютно свободной. Первая большая любовь пришла ко мне очень поздно. Я безумно влюбилась в красавца блондина, французского актера Жоржа Ривьера, который снимался в Москве в фильме «Нормандия—Неман». Мой возлюбленный был женат, и нам не суждено было остаться вместе. К тому же в застойные брежневские времена выйти замуж за иностранца было очень трудно.

А замуж я вышла позже, в Эстонии, за капитана дальнего плавания. Меня подкупила его романтическая профессия и то, что от него всегда пахло хорошим парфюмом. Он мне нравился, но не больше.

— А зачем же вы за него замуж вышли?

— ПОПОЛЗЛИ слухи: «Почему Киви одна? И так долго! Может, ее никто замуж не берет?» Хотя я и знала, что не останусь старой девой, но все же призадумалась: «Пора!» Ничего хорошего из этого брака, конечно, не получилось: я никак не могла забыть первую любовь — Жоржа. Именно из-за него так долго не могла выйти замуж. Он, как никто, умел быть нежным, обходительным и любезным! Особенно на его фоне бледнели наши советские мужчины.

Однажды нам с Жоржем очень помог Михаил Ульянов. Мы с Михаилом Александровичем снимались в Ленинграде в фильме «Балтийское небо». С Жоржем давно не виделись, а тут он всего на три дня приезжает в Москву на премьеру советско-французского фильма! Но режиссер Владимир Венгеров ни за что не хотел отпускать меня со съемок. Тут вступился Ульянов: «Да отпусти ты ее. Снимай пока другие сцены» и увез меня в Москву. В гостинице «Метрополь» мы поднялись на этаж Жоржа. Администратор протянул нам ключ от его номера: «Господин Ривьер будет через полчаса и просил вас его подождать». Михаил Александрович оставил меня одну в номере. Потом постучался Жорж... Это было незабываемо! Кстати, этот роман многих укрепил в мысли, что у меня действительно есть высокопоставленный покровитель.

— С Жоржем вы снимались вместе?

— Нет. А познакомились так. Мы постоянно сталкива-

Мужа вызвали в КГБ и сообщили: «Товарищ Антсон, разве вы не знаете, что ваша жена изменяет вам с Дином Ридом?»

На кинофестивале в Карловых Варах

лись с ним в коридорах «Мосфильма». Позже выяснилось, что оба живем в гостинице «Украина». Каждый раз, когда я встречала его в холле, не могла идти дальше — от волнения холодели ноги. Он тоже останавливался и, улыбаясь, смотрел на меня. Потом стал здороваться: «Бонжур, мадемуазель! Бонсуар, мадемуазель!» Однажды случайно столкнулись в гостиничном коридоре. Он взял меня под руку и проводил до номера. И тут оказалось, что живем мы напротив друг друга! У него 466-й номер, а у меня 465-й! Ну разве это не судьба?!

Картину «Нормандия—Неман» снимали полгода, и все это время мы были вместе. Каждое воскресенье отправлялись на ипподром — Жорж был азартным игроком. Мы стояли на трибуне, Жорж, нежно обнимая меня сзади, целовал мои плечи. Публика была шокирована: в Советском Союзе никто не смел так себя вести! Я же летала в облаках

и даже не понимала, где нахожусь. Меня не пугали ни разница в возрасте: мне — двадцать один, а ему — сорок шесть, ни будущая разлука. Жорж учил меня испанскому, которым прекрасно владел. Он много снимался в Аргентине и был партнером Лолиты Торрес. Он с восторгом читал Лорку: «Что с сердцем станет, если стрел у любви не будет...»

Он ничего не говорил о своей жизни в Париже, а я и не спрашивала. Но от какой-то женщины Жорж периодически получал письма. Доброжелатели меня, конечно, предупреждали: «Эве, берегись, Жорж — большой донжуан!» Но я не чувствовала опасности: со мной он был мой. Абсолютно! Мы и не думали скрывать наших отношений. Но, наверное, наверху забеспокоились, потому что однажды нас переселили в другие номера — прямо напротив стойки администраторши. Всю ночь она дежурила под зеленым абажуром,

Кадр из фильма «Озорные повороты»

делая невозможными наши свидания. Может быть, нас и прослушивали, не знаю...

Когда после окончания съемок Жорж уезжал насовсем, французы подвезли меня к воротам «Мосфильма». Я сидела у Жоржа на коленях, потому что в машину набилось много

народу. Мы вышли у ворот студии и стали прощаться. Как передать словами горе, которое я впервые в жизни почувствовала?! Я повисла у него на шее и залилась слезами. Меня с трудом оторвали от любимого — они опаздывали на самолет. Машина тронулась, за стеклом я увидела его отчаянное

Скрыть беременность мне посоветовала подруга: «Эве, не вздумай сказать Дину о ребенке!» Получается, ты вынуждаешь его жениться»

лицо. Шла по коридору «Мосфильма», никого не замечая. Слезы катились градом. В ушах звучал шепот Жоржа: «Ты приедешь ко мне в Париж!»

С Жоржем мы больше не встречались. Какое-то время через французское посольство мне передавали от него приветы и письма.

Прошли годы. В Париже в одном артистическом кафе оператор Семен Школьников оказался в компании Жоржа и Эльзы Триоле. Когда вернулся в Москву, тут же мне перезвонил: «Ты не поверишь, но Жорж говорил о тебе весь вечер. Он сказал: «Я повсюду вожу с собой большой чемодан, на крышке которого наклеен портрет Эве из «Советского экрана». Она всегда со мной!» Через год советская делегация отправилась в Париж с фильмами. Жорж на одном из приемов, услышав русскую речь, подошел к ним и стал расспрашивать обо мне. «Это была сумасшедшая любовь!» — все повторял он.

Когда я поеду в Париж, обязательно, если Жорж жив, найду его.

Странно, но он в чем-то был очень похож на Дина. Так же любил сажать меня на колени — даже беседуя о чем-то в компании или разговаривая по телефону. И еще совпадение: с Дином мы встречались в том же номере гостиницы «Украина», в котором жили с Жоржем.

— **А с Дином вы стали встречаться, будучи замужем за капитаном дальнего плавания?**

— В тот момент я была замужем уже второй раз — за конькобежцем, олимпийским чемпионом 1964 года в Инсбруке Антсом Антсоном. Наше знакомство получилось довольно смешным. Для скандинавских стран готовили большой материал об Эстонии, поэтому искали актрису, которую там знают. И решили сочинить красивую историю о моей близкой дружбе со знаменитым спортсменом. Фоторепортаж снимали у меня дома. Мы с Антсоном, будто старые знакомые, беседовали за чаем. Через три часа после нашего знакомства Антс, прекрасно зная, что я замужем, сделал мне предложение. И я... тут же согласилась. Мне надоело слышать, как муж постоянно звонит из Лондона: «Эве, у нас тут забастовка уже два месяца». Черт с тобой! Сиди там. И потом я устала от постоянного навязчивого внимания жен офицеров: то нельзя, это нельзя, смотрите, как Эве вызывающе одета! Когда муж вернулся из плавания, я ушла к другому. Конечно, о нас с Антсоном писали, как о знаменитой паре: «олимпийский чемпион и известная киноактриса...»

Но ради Дина я бросила Антсона. Так влюбилась, что не смогла жить двойной жизнью.

— **Наверное, муж предполагал, что вы так же легко, как от капитана, можете уйти и от него?**

— Антс в одном интервью сказал удивительную вещь: «Эве не такая легкомысленная, какой кажется». Оставив его, я страдала. Все-таки мы прожили два с половиной года, у нас двухлетний сын Фред. Как потом мне рассказал муж, в Таллине его вызвали в КГБ и сообщили: «Товарищ Антсон, разве вы не знаете, что ваша жена изменяет вам с Дином Ри-

дом?» Я вернулась домой из Москвы. Мы развелись. Когда я отправлялась на съемки, Фред оставался с моей мамой. В один из приездов Дина в Таллин они с Фредом познакомились и очень понравились друг другу. Подросший сын говорил учительнице пения: «Я не знаю детских песен на эстонском, моя любимая песня — испанская, «Бела чао». И вообще я скоро уеду в Боливию освобождать индейцев». Дин

Мой возлюбленный Данило был личным врачом Альенде и постоянно находился при президенте

Картина «Последняя реликвия», где я сыграла монашку Урсулу, была запрещена к показу в Италии и Латинской Америке

обожал детей и считал, что мы должны думать вначале о них и только потом о себе. Наши дети были погодками: его дочь от первой жены, американки Патриции, Района Гевара родилась 1 мая (Дин гордился этой датой: «Вот я как постарался!»), а мой сын — в феврале. Он всерьез предлагал: «Давай их поженим».

Наши отношения с Дином тянулись семнадцать лет. Это было настоящее сумасшествие. Он сделал меня самой счастливой и самой несчастной женщиной на земле. Мы прожили долгую и странную жизнь, сотканную из встреч и расставаний. Увы, советская власть не разрешила ему жениться на мне. Как-то Рида вызвали наверх, к комсомоль-

Начальник стучал кулаком по столу и кричал на Дина: «У вас в СССР может быть сотня любовниц, но никакой законной жены!»

На съемках фильма «Красная палатка» с Клаудией Кардинале

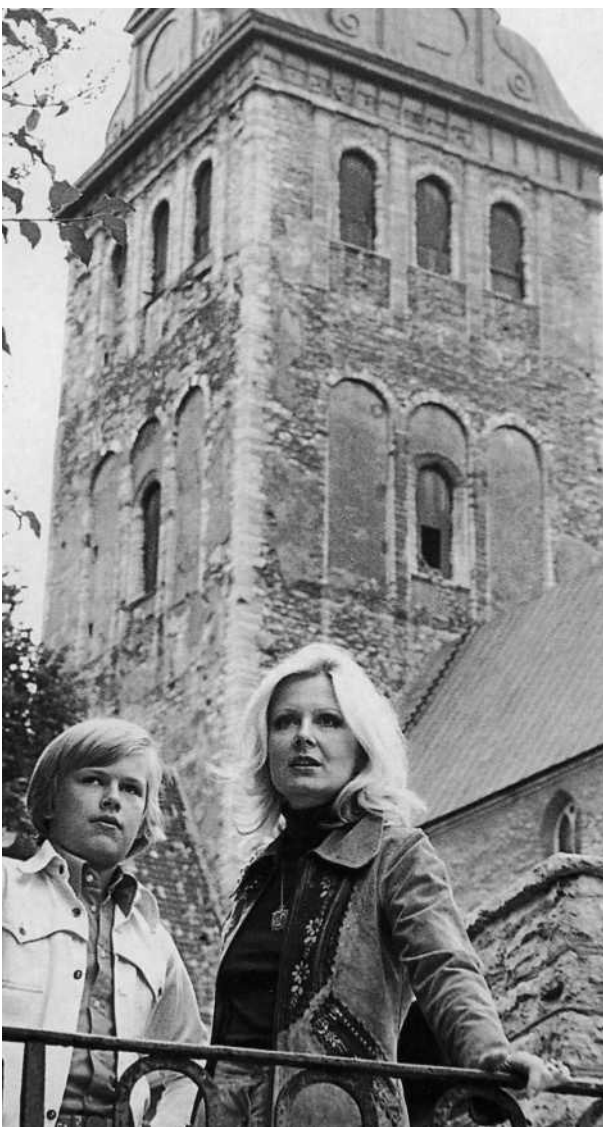
скому боссу. Его друг, присутствовавший при встрече, рассказывал, что начальник стучал кулаком по столу и кричал на Дина: «У вас в СССР может быть сотня любовниц, но никакой законной жены!»

Кстати, Рид был очень обижен, что его ни разу не пригласил к себе Брежнев. Генсек в Кремле принимал даже боксера Мохаммеда Али, а Рида, борца за свободу, не удостоился. Динომ занимались комсомольские боссы, по комсомольской линии он ездил по Союзу с концертами. Потом увлекся Латинской Америкой, стал петь «Венсеремос» и защищать революционные режимы Кастро и Альенде. Все это благосклонно принималось властями, так как совпадало с генеральной линией политики СССР. Однажды, приехав в Америку навестить маму, Дин возглавил забастовку фермеров. Его схватили и бросили в тюрьму. Оттуда он прислал фото: совершенно заросший, с впалыми щеками. Весь мир в то время писал в его защиту письма в Белый дом. Он меня потом упрекнул: «Чужие люди писали, а ты — нет». Я смеялась: «Как ты себе это представляешь — Эве Киви пи-

шет американскому президенту: «Освободите Рида, борца за мир!»?

Когда он приезжал в Москву, мы жили в гостиницах. Дину не разрешали купить квартиру. Даже ночевать у друзей мы не могли — ему, как иностранцу, предписывалось на ночь возвращаться в отель. Конечно, мы старались из его «люкса» свить уютное гнездышко. Я очень любила оставаться с ним вечером наедине, когда мы, оторвавшись от безумной толпы поклонниц, прятались в номере. Его машину после концерта однажды пытались поднять и понести, в холле гостиницы постоянно прятались фанатки. Часто рано утром в двери стучала какая-нибудь сумасшедшая, которая чудом прорвалась сквозь охрану. Когда мы задергивали шторы и отключали телефон, я обожала смотреть, как он работал: надевал очки и писал книгу. Дин становился таким домашним и трогательным! Обязательно сажал меня при этом на колени. Потом, лежа в постели, играл на гитаре и пел мне песню: «I need your love». Я плакала от счастья. Когда мы возвращались откуда-то, у нас был любимый ритуал: он сажал

Родственница Хонеккера была очень непривлекательна, и я в сердцах съязвила: «Ты ей в постели мешок на голову надеваешь?»

С Фредом на прогулке по Таллину

меня на стульчик и, присев на корточки, медленно расшнуровывал мои сапожки. Дин снизу вверх смотрел на меня вазильковыми глазами, а я таяла от любви. Мы были очень заметной парой — удивительно хорошо смотрелись вместе. Я ходила в черных сапожках-чулках и в коротком розовом кримпленовом платье. Дин же любил свитера-водолазки и джинсы. Потом он привез и мне такую же водолазку, как у него, чтобы мы ходили в одинаковых. Он часто носил полосатый пиджак, который купил в Чили. И мне однажды подарил такое же полосатое пальто. К сожалению, я была вынуждена продать его. Лучше бы на память оставила...

— Вы не жалеете, что не родили Дину ребенка?

— Я много снималась, а потом у нас не было будущего. О том, что беременна, я не решилась ему признаться. Может, если бы он узнал, все сложилось бы иначе... А скрыть это мне посоветовала подруга: «Эве, не вздумай сказать ему о ребенке! А то получается, ты вынуждаешь его жениться. Не хорошо». И я, дура, послушалась! Я лежала в палате одной из московских больниц и, свернувшись калачиком, рыдала. Дин подвез мою подругу с апельсинами, но сам в палату так и не поднялся, даже из машины не вышел. Когда мы увиделись, не мог скрыть раздражения: «Очень обидно, что я узнаю об этом последним и не от тебя, а от твоей подруги».

Как бы судьба ни старалась разлучить, нас как магнитом тянуло друг к другу. Расходились, сходились, он женился, я влюблялась, а расстаться не могли. Это была любовь всей моей жизни, от которой не убежать, не спрятаться.

Мы старались использовать любую возможность для встречи. Назначали свидания в самой дальней точке света. Дин всегда старался приехать в страну, где я находилась с советской делегацией или как туристка. Хотя это было и очень трудно. Тем более что нас все время старались оторвать друг от друга. Доходило до абсурда! Иногда специально задерживали советскую делегацию, лишь бы помешать встрече. У нашей любви было много преград.

Что же нас держало вместе? Большая загадка, на которую я знаю ответ только теперь. Дин был моей судьбой! До сих пор храню портреты Дина, на которых его рукой написано: «Каждый раз, когда я возвращаюсь, влюбляюсь в тебя заново и люблю сильнее, чем прежде!»

Прошло время. Мы продолжали встречаться, несмотря на то что его женили на родственнице Хонеккера. Она была очень непривлекательна. Когда он после свадьбы приехал в Союз и снова бросился ко мне с объятиями, я в сердцах съязвила: «Интересно, ты ей в постели мешок на голову надеваешь?» Он виновато молчал. Как я пережила его измену, не знаю. Только мысли о сыне остановили меня от самоубийства. Мне было так обидно, что и сама старалась причинить Дину боль. Мы сорились, я пыталась уйти. Однажды назло на его глазах стала обниматься с другим. Он бледнел от ревности, но терпел. Обижался, потом возвращался. Мне кажется, он злился на себя, что не может уйти от меня навсегда.

Когда Дин развелся с женой, написал пылкое письмо: «Жду встречи. Жду весну. Думаю о будущем. Мы будем вместе». Просить о разводе ему пришлось у самого Эрика Хонеккера. «Ты сумасшедший!» — рассердился не на шутку генсек. Полный надежд, Дин прилетел из Берлина. Я встречала его у самолета. Стоявший рядом заместитель комсомольского босса Пастухова неожиданно разоткровенничался: «Мы почти в нем уверены, проверяли тринадцать лет. Думаю, вам разрешат пожениться». «Я здесь жить не хочу. Устала. Не желаю, чтобы вы постоянно держали его под колпаком. Уедем в Испанию», — бросила я ему прямо в лицо.

Мы встретились с Дином, все вроде бы шло к тому, что останемся вместе. Он был необыкновенно нежен: «Какая ты храбрая! Столько выдержала! Я благодарен тебе за твою

Я слышала, как за стенкой Люся Савельева без конца звонит мужу Саше Збруеву в Москву: «Ты меня еще не забыл? Ты меня любишь?»

Первый день съемок фильма «Жизнь и смерть Фердинанда Люса» (режиссер Анатолий Бобровский, я и Донатас Банионис)

любовь». Но потом все как-то на этом и закончилось. Видимо, «кураторы» забеспокоились, что я захочу увести Рида из соцлагеря. Я ни на чем не настаивала, а он не стал предлагать... Почему-то до сих пор не могу забыть его взгляда в последний наш вечер. Казалось, Дин прощается со мной... Он уехал. А потом... Дин женился на актрисе Ренате Блюме. Он сам сообщил мне об этом по телефону, сказав, что встретил женщину-друга, очень похожую на меня, и тут же назначил свидание в Москве. Впервые я ответила ему отказом. Больше мы не виделись. Наверное, его брак с Блюме был кому-то очень нужен...

— А вы не пытались уйти от него?

— Как только до Дина доходили слухи, что у меня кто-то есть, он тут же появлялся! Ревновал, конечно. Его ревность

иногда намеренно разжигали. Однажды «доброжелатели» доложили ему, что у меня роман с Джорджем Марьяновичем. Когда он обрушился на меня с обвинениями, я не сразу поняла, о ком идет речь. Потом долго смеялась: я даже не была знакома с югославским певцом, просто сидела на его концерте. У Марьяновича в это время был роман с какой-то блондинкой. Вот нас специально и перепутали.

Какое-то время я еще продолжала на что-то надеяться, потом надоело. Я очень хотела влюбиться, чтобы забыть его. И стала крутить романы. Дин прослышал о моем романе с личным врачом президента Чили. Даже однажды язвительно подписал фото: «Желаю счастья с твоим Данило!» А я и не скрывала...

Так получилось, что в Чили я прожила месяц. В Сантьяго

Пока добежала до отеля, мои ноги были все в крови — в проезжавший мимо Ла Манеды автобус бросили бомбу, были жертвы

**Наш танец с Крамаровым снимали очень долго и сделали много дублей...
(Кадр из фильма Леонида Гайдая «Не может быть!»)**

проходила Неделя советских фильмов. На приеме в честь церемонии открытия, где присутствовал президент Альенде, ко мне подошел человек из его свиты. «Позвольте мне только смотреть на вас... Любоваться вами! Я личный врач Альенде!» Данило подарил мне жемчужину Саргассова моря — огромную розовую раковину и сказал: «Ми амор, когда будешь скучать по мне, приложи ее к уху — шум моря напомнит тебе мою любовь!» Однажды он пришел не на шутку встревоженный: «Эвита, я должен уехать в Мексику. Я к тебе приставлю самого надежного человека. Если он рядом с тобой, я могу быть спокоен...»

Эдуарде до службы в элитном спецназе президента работал директором в «Чиле-фильмс». И в нем удивительным образом слились красота Кларка Гейбла и отчаянная жестокость убийцы. Настоящий мачо! Не попасть под его обаяние было очень трудно. Пока я пыталась разобраться, кого же из них двоих — Данило или Эдуарде — люблю, в Чили начались волнения. К этому моменту советская делегация уехала в Америку, оставив меня одну.

Данило вернулся из Мексики, но увидеться мы так и не успели: в стране начался переворот. Президент немедленно вызвал личного врача к себе в резиденцию. Сторонники

Эдуардо заметил меня в толпе. Он бросился вниз с трибуны и буквально по головам пробился ко мне: «Немедленно уходи. Тебя же убьют!»

Альенде строили оборону вокруг дворца Ла Манеда. Я находилась неподалеку, когда произошло первое нападение на Ла Манеду: пять танков окружили президентский дворец и стали стрелять. Я жила всего в ста метрах, но пока добежала до отеля, мои ноги были все в крови — в проезжавший мимо автобус бросили бомбу, были жертвы.

На одном из фестивальных вечеров мы с Де Ниро до утра кутили в пресс-баре

В это время в Чили гостил художник Илья Глазунов, который рисовал портрет Альенде. Однажды я встретила его на главной площади Сантьяго. Мы не были знакомы, но знали друг друга в лицо. «Эве Киви! Что вы тут делаете?» — поразился Илья. Потом мы с ним часто встречались. От скуки Глазунов часто сиживал у меня в гостинице. Прямо в номере нарисовал мой портрет и подписал: «Красавице Еве от Адама Глазунова. Сантьяго. Чили». Несмотря на опасность, он остался дописывать портрет Альенде, отправив со мной подарки родным в Москву. Я улетела домой вместе с женами и детьми дипломатов. А Глазунов — последним самолетом с посольскими мужчинами.

Мне совсем не хотелось уезжать, но в стране было очень беспокойно. Однажды утром бросили бомбу во двор кубинского посольства. Потом обстреляли наше. Советским гражданам не разрешали выходить на улицу. Я жила в гостинице и не знала о предупреждении — обо мне все забыли. Вот я и отправилась на центральную площадь слушать последнюю речь Альенде. Вся огромная площадь была запружена народом. Проталкиваясь к трибуне пришлось, наверное, час. В толпе меня заметил Эдуардо. Он бросился вниз с трибуны и буквально по головам пробился ко мне: «Немедленно уходи. Тебя же убьют!» Дал знак спецназовцам, и меня отвели в гостиницу. Вскоре там появился и сам президент со свитой. «Тебе надо побыстрее отсюда уехать. Это начало конца», — сказал мне Альенде, и по его щекам потекли слезы.

Я испугалась, представив, что могут сделать с советской гражданкой люди Пиночета. Их ненависть к СССР я уже успела почувствовать. На открытии Недели фильмов я появилась на сцене в красном платье. На следующий день многие газеты вышли с заголовками: «Экраны Чили перекрашены в красный цвет». Мне позвонили какие-то люди и настоятельно посоветовали: «Госпожа Киви, больше не надевайте это платье». Я возмутилась: «Вот еще! Мне идет красный, и потом, по поводу туалетов я никогда ни с кем не советуюсь». Юрий Озеров, руководитель делегации, тут же сообщил об этом в Москву. Там мой поступок сочли чрезвычайно идейным и сознательным. А у меня и мысли не было о патриотизме, я просто возмутилась: «Кто-то там будет орать по телефону, что мне носить?!» С тех пор в Госкино я прослала отважной коммунисткой.

Через пару месяцев после возвращения в Москву меня отправили с делегацией в Боливию и Аргентину. И это было очень кстати. Дина, который в это время находился в Лондоне, пригласили выступить на местном телеканале. И мы договорились встретиться в Аргентине. Но нашу делегацию специально задержали на три дня в Боливии — только бы помешать встрече. Так нам и не суждено было повидаться. В Буэнос-Айресе Дин снял американский флаг и стал демонстративно стирать его в ведре перед посольством США. Таким образом он протестовал против грязной американской политики. За этот поступок его в 48 часов собирались выслать. В это время в Аргентину вернулась президент Исабель Перон, и я хотела просить ее о снисхождении. Думала,

Что же нас с Динот держало
вместе? Большая загадка!
Ведь у нашей любви было
много преград...

встану на колени — и она разжалобится, поможет двум влюбленным встретиться. Но, увы, Дина уже выслала.

Когда мы приехали в Аргентину, я уже была там знаменитостью. По всем каналам телевидения бесконечно, прерывая фильмы, показывали стоп-кадр, где мы с Люсей Савельевой, счастливые, бежим по улицам Буэнос-Айреса. Люся приехала с фильмом «Война и мир», а я представляла киносказку «Руслан и Людмила». Картину «Последняя реликвия», в которой я сыграла монашку Урсулу, в последний момент не разрешили показывать: Папа Римский заявил, что этот фильм порочит католическую церковь, и картина была запрещена в Италии и Латинской Америке.

В этой поездке мы с Люсей очень сдружились и всюду ходили вместе. Она мне была как родная сестричка. Когда меня кто-нибудь называл эстонской актрисой, она почему-то обижалась и с жаром заступалась: «Какая она эстонка? Эве наша! Она русская, русская!» Помню, как Савельева бегала по магазину в поисках модных джинсов для мужа Саши Збруева. Я слышала, как за стенкой Люся без конца звонит ему в Москву. «Ты меня еще любишь? Ты меня еще не забыл?» — кричала она на всю гостиницу.

— **Что случилось с вашими чилийскими друзьями после переворота?**

— ЧИЛИЙЦЫ ждали помощи от Кубы, но флот опоздал. Когда уже бомбили дворец, правительство Альенде попро-

Марита, бывшая возлюбленная Фиделя Кастро, узнав о новой пассии Уолтера, задержалась в ресторане — решила посмотреть на меня

сило разрешения выпустить из страны жен и детей. Им позволили выехать.

Эдуарде убили на стадионе... Данило до последней минуты оставался рядом с Альенде, смертельно раненный президент умер на его руках. Данило арестовали, в течение года он прошел 11 концлагерей и тюрем. Он мне рассказывал, что его как врача пиночетовцы пустили на стадион помогать раненым. На его руках умер музыкант Виктор Хара, которому палачи перебили пальцы. Потом Данило устроили побег, и через мексиканское посольство он попал в Мексику. Все писал мне оттуда: «Я буду любить тебя до смерти». Он как-то приезжал в Москву с сеньорой Альенде. Потом я гостила у него в Мексике. Данило хотел ради меня развестись с женой. Как я могла пойти на это, зная, что у него пятеро детей? Я не сразу решилась ответить ему отказом. Больше он мне никогда не писал...

— **Такое впечатление, что вам больше всего подходят латиноамериканские мужчины: горячие и страстные...**

— Это точно. За мной ухаживали такие мужчины! Это были не простые люди — серьезные политики, деятели культуры, значит, я смогла чем-то их привлечь!

А еще мне довелось стать соперницей женщины-киллера Мариты Лоренс. Марита прошла обучение в закрытом лагере США. В двадцать лет она стала спецагентом, настоящей Никитой. Мы с Маритой встретились на Гаити, где она работала в консульстве США. В Санта-Доминго за мной ухаживал президент киноассоциации Центральной Америки Уолтер Сениор, в которого Марита была безответно влюблена.

Нас с Уолтером представили друг другу на одном высоком приеме. Когда я подала ему руку, он побледнел. Я попыталась пошутить: «Какой у вас красивый галстук!» Но он даже не нашелся, что ответить. За столом мы оказались рядом, и он наконец сказал: «Извините меня, Эве! У меня была возлюбленная, танцовщица. Она уехала от меня в Таиланд. Вы так похожи на нее, что я подумал: «Эте вернулась!» На следующий день Уолтер пригласил меня на обед. «Только не удивляйся, — попросил он, — я прошу встретиться в ресторане после трех. Там до двух часов обычно обедает одна дама. С ней нам лучше не сталкиваться!» Уолтер заранее попросил дирекцию на время нашего обеда закрыть ресторан. Однако, войдя в зал, мы обнаружили, что он не пуст — за столиком в углу сидела дама в окружении мужчин. Уолтер, взяв меня за руку, шепнул: «Не оглядывайся. Марита здесь!» И рассказал историю любовницы Кастро. ЦРУ поручило Марите отравить Фиделя, но, когда она на Кубе встретилась со своей юношеской любовью, сделать этого не смогла. Тем более что у Кастро оставался их сын, Андре.

Уолтер отчитал официанта, тот стал оправдываться: «Мы не могли их выгнать. Извините, сеньор!» Марита, узнав о новой пассии Уолтера, специально задержалась в ресторане — решила посмотреть на меня. «Хорошенько запомни эту женщину. Она способна на самые страшные убийства! У меня с ней ничего нет, но она повсюду за мной гоняется, —

тихо сказал Уолтер, а потом добавил: — Вряд ли теперь тебе удастся получить транзитную визу в США». В этот момент Марита встала и пошла к выходу. Спутники молча следовали за ней. У двери она оглянулась и полоснула меня взглядом. Все время, пока мы встречались с Уолтером, он принимал тщательные меры предосторожности: провожал до отеля и всюду возил только на такси. Самое смешное, что я, как говорится, оказалась без вины виноватой: у нас с Уолтером ничего, кроме легкого флирта, не было. Каждый раз при встрече он плакался мне в жилетку о потерянной любви. Но Марита меня люто возненавидела.

— **У вас такая бурная жизнь! Что вас сейчас радует?**

— В кино давно не снимаюсь. «Таллин-фильм» купил один египтянин, говорит, собирается перестроить в гостиницу. Я работаю на телевидении, занимаюсь рекламой, изредка играю в театре.

Живу одна. Чем старше становишься, тем дороже родные. Сын, внук, сестра и, конечно, драгоценные сердцу воспоминания. Однажды Дин подарил мне кольцо своей матери. Надел на руку и поцеловал. Кольцо я никогда не снимала, думала: хоть что-то на память о любимом останется. Но вначале потерялся камень, а потом кольцо вместе с другими драгоценностями украли воры. Правду говорят: «Не судьба!»

Странно, мне так часто объяснялись в любви, так много красивых слов говорили, а вот не нашелся тот, единственный, который не смог бы жить без меня...

**Беседовала Ирина Зайчик
Москва—Таллин**